

Старые уездные гербы

Владимир Муравьев

Волнующе и гордо звучит слово «герб». Это чувствует каждый, даже тот, кто никогда не задумывался, что же это такое — герб, почему, как и откуда он взялся и какова его роль и предназначение. Герб — это знак свободы и независимости. Он появился в раннем средневековье, в X—XI веках, в эпоху крестовых походов, когда рыцари на своих щитах стали изображать условные знаки, названные геральдическими, которые обозначали принадлежность рыцаря к благородному и свободному дворянскому роду. Тогда же появляются и гербы городов, потому что, кроме рыцарей, свободными людьми были горожане — купцы и ремесленники, они сами управляли городом, и об этом свидетельствовал городской герб, его вышивали на городских знаменах и изображали на печатях, которыми скреплялись официальные документы.

На Руси издревле имели свои знаки княжеские роды. У владимиристо-суздальских князей таким знаком было изображение льва, у московских — всадника на коне. Эти родовые символы стояли на печатях, прилагаемых к государственным грамотам. Так как княжества назывались по главному городу, то княжеский знак одновременно становился и знаком города — Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода... За границей подобные знаки считали русскими гербами, так на немецкой гравюре

XVI века — портрете Василия III (отца Ивана Грозного) изображена также эмблема — всадник, копьем поражающий дракона, и подписано, что это герб Великого княжества Московского.

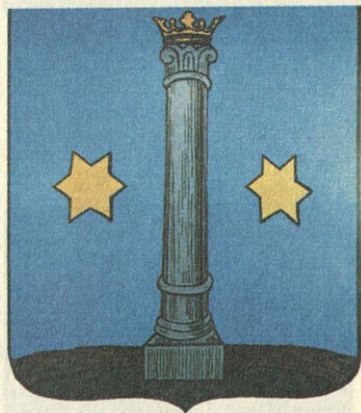
Но ни знаки, ни эмблемы на русских печатях не были в строгом смысле гербами, поскольку в Западной Европе создалась целая наука — геральдика, разработавшая строгие правила составления гербов, которым наши эмблемы не следовали. Петр I учредил в России Герольдмейстерскую контору, перед которой был поставлена задача составления дворянских родословий и создание государственного, личных и областных гербов по западноевропейскому образцу.

Задумав ввести гербы, Петр обратился за советом к Я. В. Брюсу, который в числе многих иных наук занимался также и геральдикой. Тот рекомендовал царю для составления, или, как тогда говорили, *сочинения* гербов пьемонтского дворянина графа Франциска Санти, знатока геральдических наук и художника. 12 апреля 1722 года личным указом Петра граф Санти был назначен на службу в Герольдмейстерскую контору, которая тогда находилась в Москве. Таким образом первые, отвечающие правилам геральдики гербы были созданы в Москве.

Санти начал работу с составления государственного герба. Он взял из «Титулярника» — рукописной книги XVII века, в которой были перечислены все титулы русского государя, нарисованы порт-

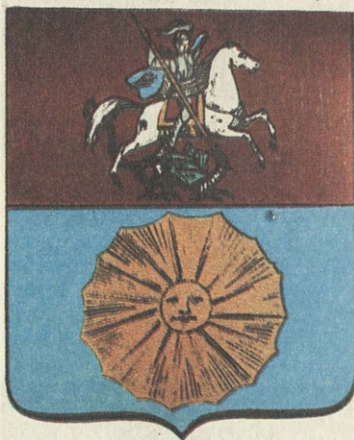
Герб Москвы. XVIII в.

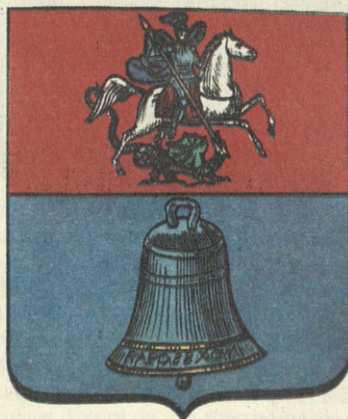
Герб Коломны

Герб Серпухова

Герб Воскресенска

Герб Звенигорода

реты великих князей и царей, даны рисунки государственных печатей и эмблемы земель и областей,— за образец рисунок государственной печати, изображавшей двуглавого орла с эмблемой Москвы на груди, поместил московскую эмблему в щит так называемого французского вида, привел их размещение и раскраску в соответствие с правилами западноевропейской геральдики. В 1724 году последовал императорский указ о введении печатей для губерний, провинций и городов, «которые имеют гербы, на тех (печатях) вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе». С этого указа началась работа по созданию гербов для губернских и уездных городов. Санти серьезно отнесся к своим обязанностям и работал над созданием гербов с увлечением. Он выписал из заграничной литературы по геральдике, составил словарь, во все губернии разослал вопросник, запросив сведения, на основе которых собирался «сочинять» гербы. Этот вопросник интересен тем, что в нем определено общее направление выбора эмблем для составления гербов русских городов, этого же выбора придерживались и последующие российские герольдмейстеры в течение двух веков.

Вот пункты этого вопросника:

«1. Сколь давно и от какого случая или причины и от кого те города построены, каменные или деревянные или земляные, и от каких причин, какими именами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого собства.

2. И каждого из тех мест каких родов скоты, звери и птицы— все имена, а особливо где есть род какой партикулярный.

3. И самые те места гористыя или ровныя, болотныя ли или сухыя, степныя ли или лесныя и плодovitым дре-

вам партикулярным наипаче какой род.

4. Какова хлеба в котором месте болши родитца.

5. И те города на морях или на каких озерах или реках и как их имяновали и в них каких родов партикулярных наипаче рыб обилие бывает.

6. И огородных, и полевых, и лесных овошей и всяких трав и цветов чего где болши родитца.

7. И в которых местах какие народы живут русския ли или татарския или иной какой нации и какова звания.

8. И который город взят осадю или войною (сдачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какия возможно сыскати».

Так как провинциальные чиновники присылать требуемую информацию не спешили, то в некоторые города Санти ездил сам, а на недовольное замечание начальства, зачем ездит, ответил, что «которых городов не знает и в них не бывал и о них никаких сведений не имеет, то регулам геральдики оных гербов сочинить и отправить не может».

К сожалению, деятельность графа Санти с его немногочисленными помощниками— переводчиком, воспитанником московской Славяно-греко-латинской академии И. В. Ардабевым, живописным мастером И. В. Чернавским и подмастерьем П. А. Гусятниковым прервалась в июне 1727 года, когда графа Санти обвинили в участии в заговоре, имевшем целью свергнуть малолетнего императора Петра II и возвести на престол герцогиню голштинскую Анну Петровну. Санти был сослан в Сибирь и пробыл в ссылке пятнадцать лет— до 1742 года, из ссылки его вернула Елизавета Петровна.

За три года работы над городскими гербами Санти «сочинил 137 гербов, из них три— московские: столичный герб Москвы и два уездных— для Коломны и Серпухова.

Герб Москвы имел свою историческую, прежнюю эмблему, как сказано в описании, «святый Георгий на коне, в красном поле, поражающий копием черного змия», гербы же Серпухова и Коломны были придуманы Санти.

Герб Серпухова — красивый и запоминающийся — «в красном поле стоящий с распростертыми крыльями павлин». Павлин входит в число классических узаконенных западноевропейских геральдических фигур, эта эмблема означает гордость, желание славы, а также победу над тщеславным и гордым врагом. Под Серпуховым — пограничным городом на южной границе московского княжества — происходили сражения с татарами и литовцами, в XIV веке серпуховским князем был двоюродный брат Дмитрия Донского Владимир Андреевич Храбрый, герой Куликовской битвы. В XIX — XX веках павлина в гербе Серпухова объясняли по-разному: одни, отмечая зоркость глаз и чуткость этой птицы, полагали, что она символизирует роль Серпухова как крепости-сторожи на границе, другие считали, что яркость павлиньего хвоста говорит о красочности тканей, выпускаемых серпуховскими мануфактурами.

Но фигура павлина в серпуховском гербе появилась вовсе не поэтому. Санти в составлении гербов последовательно придерживался своего главного принципа: искать и отбирать нечто имеющееся только в этом городе, особенное («собство») и выходящее из общего ряда («партикулярное»). Так же он поступил и здесь. Получив из Серпухова ответ на свой запрос, он отметил фразу (в подлиннике она подчеркнута), что местность сия отличается от «близколежащих мест», тем, что «в монастыре одном рождаются павлины». Изображая в гербе редкую и вовсе не характерную для подмосковного уез-

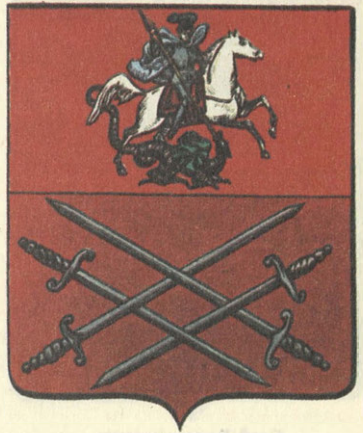
да птицу, Санти, наверное, учитывал геральдическое значение фигуры. Но тут, конечно, случай — «бог-изобретатель», как называет его А. С. Пушкин — дал Серпухову так подходящий к этому светлому красивому городу герб.

Любопытна, занимательна и в достаточной степени авантюрна — вполне в духе характера графа Санти — история создания им герба Коломны. Герб Коломны — «на лазуревом поле столб белый, наверху корона, около две звезды». Поскольку Санти, в отличие от более поздних герольдмейстеров, в своих описаниях гербов не давал обоснования своего выбора эмблем, то его нет и в официальном гербовнике, что заставляет исследователей давать им собственное толкование. Н. Н. Сперансов в работе «Земельные гербы России» (1974 г.) предлагает рассматривать герб Коломны как символическое изображение его исторической судьбы: «Думается, что для правильного истолкования эмблемы необходимо припомнить славные события, совершавшиеся под стенами древнего города и связанные с отражением нашествий татарских ханов. Белый, или серебряный, столб среди лазурного неба должен напоминать потомкам об этих событиях. Две золотые звезды указывают на умножение заслуженной славы в последующей истории». Но по замыслу создателя герба, его символика имела другой смысл и заключала в себе иное значение.

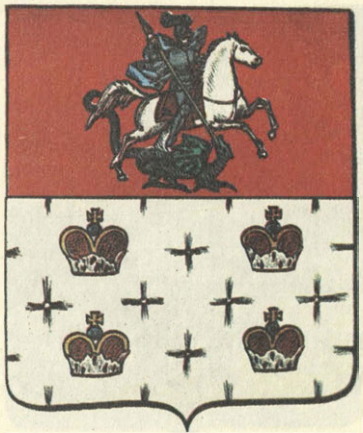
В создании именно такого герба для Коломны Санти следовал тому пункту своих вопросов, который касался его названия: «города... какими именами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого собства». В названии Коломны он и обнаружил такое «собство».

Однозначного мнения по поводу значения названия «Коломна» нет и сейчас. В вы-

шедшей в начале XX века книжечке коломенского краеведа И. К. Линдемана «Происхождение названия города Коломны» приведено около двадцати версий; за последующие десятилетия их количество прибавилось. Исследователи предлагают самые разные объяснения: слово «Коломна» производят от сочетания слов *Ока*, которая

Герб Рузы

Герб Дмитрова

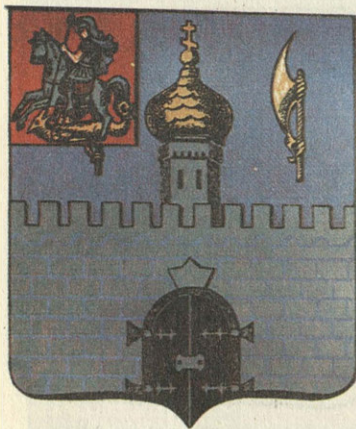
здесь *ломана*, то есть имеет извилины, от боевого клича древних воинов «*коломна!*», от областного рязанского слова «*коломень*», означающего «околицу, край» (пожалуй, самое верное, в древности Коломна была пограничным городом Рязанского княжества с Московским),

от угро-финского корня «КОЛМ» — «могила, кладбище».

Но есть одно старое, давно отвергнутое и поэтому в новейших работах, как правило, не упоминаемое объяснение названия города. Оно известно из очерка Н. М. Карамзина «Путешествие вокруг Москвы» (1803 г.). «Что касается до имени города,—

Герб Волоколамска

Герб Сергиева Посада

пишет Карамзин о Коломне,—то его для забавы можно произвести от славной итальянской фамилии Колонна. Известно, что папа Вонифатий VIII гнал всех знаменитых людей сей фамилии и что многие из них искали убежища не только в других землях, но и в других частях

света. Некоторые могли уйти в Россию, выпросить у наших великих князей землю, построить город и назвать его своим именем! Писатели, которые утверждают, что Рюрик происходит от кесаря Августа и что осада Трои принадлежит к славянской истории, без сомнения, не найдут лучших доказательств!» Ирония Карамзина понятна, потому что историческая несостоятельность такой топонимической версии очевидна: род Колонна был изгнан папой Бонифацием из Италии в конце XIII века, а название Коломна упоминается в русской летописи на сто с лишним лет раньше, в 1177 году. Тем не менее, высмеиваемая историком версия в начале XIX века имела в России довольно широкое хождение. Скорей всего под ее влиянием романтик и мечтатель Карл Кюхельбекер в сибирской ссылке пишет роман «Последний Колонна», в котором главного героя — потомка мятежного итальянского рода заставляет приехать в Россию.

Карамзин не называет ни источника, ни имени автора легенды о Коломне, видимо, он почерпнул эти сведения из устной и безымянной молвы. Нетрудно представить, как родилась эта этимология. Не всегда имея необходимую информацию, Санти сам пытался найти эмблему города, о котором ничего или очень мало знал. Он интересовался значением названий, названия «Коломна» ему объяснить не могли, и тогда он сблизил русское «коломна» с названием известной архитектурной детали. Он начал рисовать герб и избразил геральдическую фигуру — колонну с капителью коринфского ордера и мощным прямоугольным пьедесталом. Совершенно закономерно у него возник вопрос: откуда и почему появилось такое странное название в русском деревянном провинциальном городе. И тогда-то вспомнилось ему — недаром

же он учился истории в Парижском университете — имя знаменитого древнего итальянского дворянского рода — Колонна, данное современниками его основателю потому что его владения в Риме находились возле Траяновой колонны — выдающегося древнеримского монументального памятника. Санти увенчал коломенскую колонну принятой в западно-европейской геральдике дворянской короной, таким образом, русский герб приобред европейские черты. Теперь следовало объяснить, каким образом Колонна появился на Руси. В истории многочисленного рода подходящий эпизод нашелся: после изгнания семьи из Италии в XIII—XIV веках некоторые ее члены вернулись на родину, а следы некоторых затерялись, и Санти решил, что след одного из этих изгнанных он и обнаружил на Руси.

Конечно, граф рассказывал о своем открытии сослуживцам и знакомым. Арест и долгое, пятнадцатилетнее заключение в Сибири способствовали забвению его и его работы по составлению гербов, тем более, что по возвращении он не вернулся к герботворчеству, но остался в геральдике герб Колонны и темное устное предание, объясняющее его. Поэтому-то Карамзин, зная выдумку про итальянское происхождение имени Коломны, не знал, откуда она взялась. Ошибка графа Санти извинительна. Его буйная фантазия в соединении с недостаточным знанием древней русской истории породила легенду вполне в русле тогдашних исторических представлений. Всего каких-нибудь пятьдесят лет до него московский дьякон Тимофей Каменевич-Рвовский писал, что основателем Москвы был внук Ноя Мосох, назвавший город своим именем. А сама возможность подобного истолкования московской топонимики свидетельствует о том, что

древняя Московия была включена в орбиту общемирового исторического процесса. Впрочем, гербовые эмблемы многозначны, поэтому почти всегда с течением времени они приобретают более глубокий смысл, чем тот, который вкладывал в них создатель герба.

После смерти Петра I городские реформы остановились, прекратилось и создание городских гербов. В царствование Екатерины II произошло новое разделение страны на губернии, введено новое городское управление и в связи с этим вновь было указано, чтобы губернии и города имели гербы, которые следовало «употреблять во всех городских делах».

С 1770-х годов Герольдической конторой руководил князь М. М. Щербатов, широкообразованный человек, историк, публицист. «Должно по состоянию России, — писал он в инструкции по составлению гербов, — сочинить Герольдику, где бы не чужестранные, но российские гербы в пример были поставлены, однако не отбиваясь от общих правил сей науки». Снова была разработана инструкция, которая в общем повторяла пункты Санти и рекомендовала при создании эмблемы для герба обращать внимание на особенности города, учитывая природные условия, развитые в нем ремесла, существующие традиции и примечательные исторические события. Герб губернского города являлся также общим гербом для всей губернии, и его изображение должно было входить в гербы уездных городов; гербы, нарисованные при Санти и тогда же утвержденные, оставались без изменений. Создание новых гербов в основном падает на 1780-е годы, но в связи с предоставлением отдельным населенным пунктам статуса города продолжалось и позже, вплоть до начала XX века.

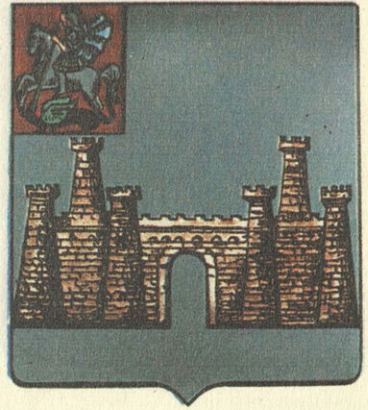
Верее, Воскресенск и Звенигород — города, гербы кото-

рых составлены «по имени сего города», получили их в 1780-е годы.

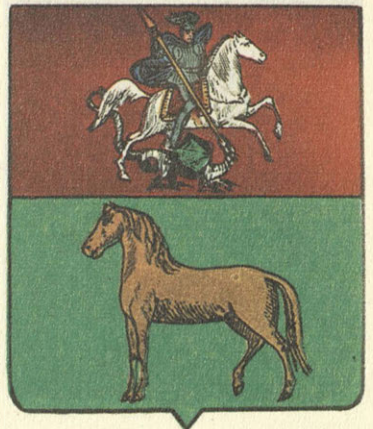
И сейчас еще, правда реже, чем лет пятьдесят-семьдесят назад, столб ворот, калитки и косяк дверного проема в доме, к которым крепится полотнище ворот или двери, называют вереей. Это значение слова и принято для городского герба Верей: «в серебряном поле в диком лесу, две дубовые, воротные верей, с навесными золотыми крючьями, означающие собою имя сего города». Исторически уподобление города воротам оправдано, он был крепостью на западных рубежах, но то, что в «Судебнике» 1497 года его название встречается в иной форме: «Веретейя», дает повод ученым-лингвистам производить его также от слова «веретия, веретья», как во многих областных говорах называют возвышенность, не заливаемую во время паводка. Город Воскресенск (ныне Истра) до XVII века — село Софатово. В 1660-е годы патриарх Никон основал здесь монастырь и начал строительство грандиозного храма в 29 приделов, главной частью которого является храм Воскресения. С этого времени село стало называться Воскресенским, в 1781 году оно получило статус уездного города и герб: «золотое солнце в голубом поле, яко принятый всеобщий знак, означающий имя сего города».

«В голубом поле великий колокол, подписанный по краю оного неизвестными ныне литерами, каковой колокол, вылитый из меди, и поныне хранится», — таково описание герба Звенигорода в указе 1781 года. При перерисовке герба в 1883 году рисунок изменен: «в лазуревом щите серебряный колокол с золотыми украшениями». Наверное, к этому времени старый медный колокол пропал, или же герольдмейстеры конца XIX века посчитали более подобающим изобразить в гербе серебряный. В Киев-

ской Руси было несколько Звенигородов — так назывались сторожевые крепости, поставленные на господствующей над местностью горе, при приближении неприятеля в них звонили колокола, и звон разносился далеко окрест. Звенигород был княжеским владением, впервые он упомянут в завещании Ивана Калиты, а

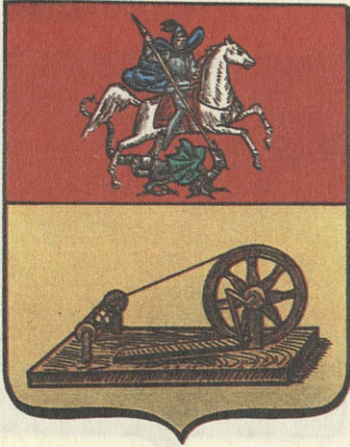
Герб Можайска

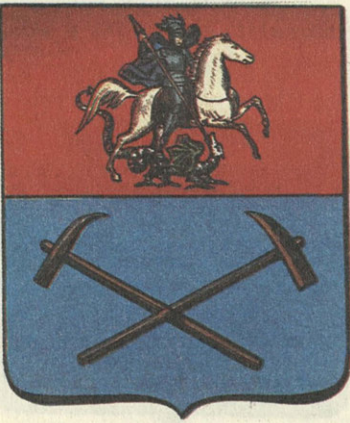
Герб Бронниц

основан, по мнению некоторых историков, на несколько десятков лет ранее Москвы. Известно, что в то время в более спокойный Московский край шли переселенцы из Южной Руси, возможно, как это нередко бывало, свое новое поселение они назвали именем прежнего.

Ряд гербов уездных городов Московской губернии, в основном находящихся на западных границах Московского княжества, в своей символике запечатлели память о событиях военной истории. Не раз Московская земля подвергалась нападению чужеземцев, в средние века на ней полыхали междоусобные войны русских

Герб Богородска

Герб Подольска

князей. История хранит в своих летописях все события. Народная память, как и память отдельного человека, избирательна, плохое забывается. Поэтому в преданиях обычно вспоминаются битвы против внешнего врага, а не междоусобные свары, в конце концов преодолен-

ные. По этим законам и свойству народной памяти отразилась в гербах военная история Московской земли. Герб Рузы — «в красном поле четыре обнаженных меча, в знак многих сражений, случившихся при сем городе в древние времена». Руза была основана в XIII—XIV веке как крепость на западной границе Московского княжества, здесь сходились земли Тверского, Смоленского и Великого Литовского княжеств, ружане сражались и против литовцев, и против поляков. Не миновали Рузу и княжеские междоусобицы XV века, когда вели спор за великокняжеский престол Василий Темный, Юрий Звенигородский и князь Дмитрий по прозвищу Шемяка (в связи с ним в русский язык вошла поговорка «шемякин суд»). Так что в древние времена вокруг Рузы, действительно, происходило много сражений.

Немало военных невзгод видел и Дмитров, не раз становился полем битвы — то его штурмовали иноземные войска, то рати русских князей, сошедшиеся в междоусобном споре. Но дмитровцы наиболее памятным и дорогим считали то, что именно в их городе были сделаны первые шаги для прекращения пожара братоубийственных войн князей Московского и соседних княжеств. В 1281 году возле Дмитрова сошлись на битву князья Дмитрий Переяславский, Святослав Тверской, Даниил Московский — пять дней стояли друг против друга, но договорившись о мире, разошлись. А в 1301 году четыре князя соперничавших княжеств — Даниил Московский, Иван Переяславский, Михаил Тверской и Андрей Городецкий — специально съехались в Дмитрове и порешили свои дела, как говорит летописец, «дружелюбно». Это событие и стало эмблемой Дмитрова в его гербе: «четыре княжеские короны в горностаевом поле в память бывшего в оном городе зна-

менитого четырех российских князей съезда».

Событие, которое запечатлено в гербе Волоколамска — «древние зеленые шанцы (укрепления) в серебряном поле, в знак того, что сей город дал храбрый отпор осаждавшему оный польскому королю Сигизмунду» — знаменательно и памятно не только для него, но и для всей России.

В ноябре 1612 года — во время смуты и польско-литовской интервенции — армия польского короля Сигизмунда III на пути в Москву осадила Волоколамск. Трижды польская конница и наемная немецкая пехота ходили на приступ, но осажденные бились с такой отвагой и ожесточением, что, понеся большие потери, Сигизмунд не вошла поговорка «шемякин суд»). Так что в древние времена вокруг Рузы, действительно, происходило много сражений. Немало военных невзгод видел и Дмитров, не раз становился полем битвы — то его штурмовали иноземные войска, то рати русских князей, сошедшиеся в междоусобном споре. Но дмитровцы наиболее памятным и дорогим считали то, что именно в их городе были сделаны первые шаги для прекращения пожара братоубийственных войн князей Московского и соседних княжеств. В 1281 году возле Дмитрова сошлись на битву князья Дмитрий Переяславский, Святослав Тверской, Даниил Московский — пять дней стояли друг против друга, но договорившись о мире, разошлись. А в 1301 году четыре князя соперничавших княжеств — Даниил Московский, Иван Переяславский, Михаил Тверской и Андрей Городецкий — специально съехались в Дмитрове и порешили свои дела, как говорит летописец, «дружелюбно». Это событие и стало эмблемой Дмитрова в его гербе: «четыре княжеские короны в горностаевом поле в память бывшего в оном городе зна-

Сергиевский посад (ныне город Сергиев Посад) получил

свой герб в 1883 году, но и он напоминает о событиях того же времени, что и волоколамский — начала XVII века, когда Троице-Сергиева лавра выдержала осаду неприятельских войск в течение шестнадцати месяцев. Герб своей эмблематикой говорит о том, что Троице-Сергиева лавра является русской национальной святыней, поэтому в центре герба изображена церковная «серебряная башня с золотым чешуйчатым куполом, увенчанным таковым же русским крестом», о воинском же подвиге свидетельствует «в лазуревом щите серебряная монастырская стена с лазуревыми ивами и закрытыми черными воротами, за которыми возникает башня..., сопровождаемая двумя золотыми бердышами в столб на таковых же древках».

К тому же ряду воинских относится и герб Можайска, еще одного пограничного западного города Московского княжества. Его герб: «в белом поле каменная стена о шести башнях». Каменная крепостная стена в Можайске была возведена в XVI веке, но и до нее деревянная крепость верно служила ее защитникам. В течение XIV—XVII веков на Можайск неоднократно нападали отряды литовских князей и польских королей, в одних случаях удавалось отбиться, в других — враги брали крепость. Но вскоре русские воины выбивали захватчиков, и Можайск вновь стоял на охране границы. Крайнее пограничное положение Можайска породило известное и ныне выражение «загнать за Можай», которое при своем возникновении означало, что враг выдворен за пределы родной земли.

Очень большая группа русских городских гербов отражает природные условия городов и уездов, развитые в них ремесла и другие занятия жителей, которые, как говорится в некоторых описаниях, «доставляют им пропитание».

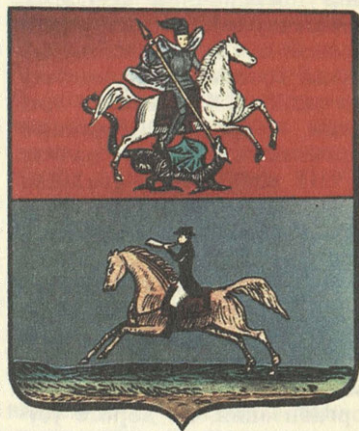
Герб города Бронницы — «золотой конь в зеленом поле» — была дан «в знак того, что в сем месте были славные конские заводы». Обширные заливные луга по Москверекке возле Бронниц с XVI века, они были великокняжескими и царскими владениями, на них выпасали конские табуны, заготавливали сено для дворовых конюшен и на баржах доставляли в Москву. Бронницкий конный завод славился на всю Россию. После революции в районах бронницких лугов были созданы молочно-животноводческие совхозы.

Известность Бронниц как одного из центров коневодства перебила их историческую славу, хотя для герба вроде бы более подошло отметить прежнее занятие его жителей — бронников, ковавших броню: кольчуги, латы, шлемы, почему и село называлось Бронницы. Это название впервые упомянуто в документах в 1453 году.

Подольск получил свой герб в 1781 году, когда бывшее монастырское село Подол было превращено в уездный город. В окрестностях нового города, по течению рек Пахры, Десны и Мочи с XIV века добывали знаменитый белый камень-известняк, широко использовавшийся для строительства, особенно в Москве, отчего и получила она название «белокаменной». В гербе Подольска отмечено это довольно прибыльное занятие жителей, о чем говорится и в описании: «два золотые, употребляемые каменотесцами инструмента в голубом поле: в знак того, что жители сим промыслом набогашаются». Сто лет спустя, в 1883 году, герб был перерисован, рисунок остался прежним, но в описании уточнено название инструментов — «кирки» и изменен их цвет с золотого на серебряный.

Старинное ямское село Рогожи так же, как село Подол в 1781 году получило статус

города и по местной церкви название — Богородск. Еще когда Богородск был селом, в его окрестностях открылось несколько небольших шелковых и бумаготкацких фабрик, впоследствии уезд сохранил и развил текстильное направление своей промышленности. Поэтому старый герб города — «инструмент, которым навивается

Герб Клина. XVIII в.

Герб Клина. XIX в.

шелк, в золотом поле; в знак многих шелковых фабрик, находящихся в сем уезде» — вполне отвечает и современному положению прежнего Богородска, а ныне Ногинска, переименованного в 1930 году в честь старого большевика В. П. Ногина. В 1880-е годы управляющий

Гербовым отделением при Сенате барон Б. В. Кене изменил герб Богородска: найдя изображение прялки «негеральдическим», он заменил его «шестью червленными пустыми ромбами» — фигурами «геральдическими», но не несущими никакого смыслового значения.

И последний из старых московских уездных гербов — герб города Клина, старинной пограничной крепости, известной с 1234 года, укрепленной земляным валом, остатки которого сохранились до сих пор. С течением времени, утратив оборонное значение, Клин к началу XVIII века был заурядным небогатым селом. Но тут в его судьбе наступила перемена: он оказался на дороге между Москвой и основанным Петром I новым городом Петербургом. Интенсивное движение между ними требовало специальной организации, по дороге устраивались станции с постоянными дворами, ямские слободы, и по повелению Петра, одной из таких станций стал Клин, а его жители были «поверстаны» в ямское сословие. С развитием и усовершенствованием почты около 1720 года появилась должность почтальона, в которую назначались «семьянистые лошадные люди», и часть клинских ямщиков была сделана почтальонами. Герб Клина — «в белом поле почтальон, скачущий верхом с рожком; в знак того, что сего города обыватели прежде были ямщики, отправляющие почты» — изображает почтальона в парадной форме конца XVIII века. Перерисованный в 1850-е и утвержденный в 1883 году рисунок исправлен в соответствии с изменениями в форме почтальона: «в серебряном щите скачущий почтальон в червленой рубахе, зеленой епанче и черной шляпе и сапогах, на черном коне с червлеными глазами и языком, украшенном золотыми седлом и сбруею». Почтальон был лицом за-

метным в обществе и уважаемым. Еще при Анне Иоанновне был издан указ, в котором говорилось, что всем чинам запрещается «непристойно ругать почтовых управителей или служителей». А. Н. Радищев в главе «Клин» («Путешествия из Петербурга в Москву») с большой симпатией и уважением говорит о «ямском собрании» — жителях Клина. Немало о почтальонах сложено песен. Все знают песню о почтовой тройке:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой,
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой...

Нет, наверное, такого чело- века у нас, который не при- помнил бы песню на стихи Л. Н. Трефолева «Ямщик», в которой герой ее рассказывает о том времени, когда он «на почте служил ямщиком» и как однажды зимой вез он пакет... Став народной песней стихотворение подверглось сокращению. Обычно поют, что ямщик наехал по пути на тело замерзшей и занесенной снегом его любимой, а у Трефолева сюжет более драматичен: ямщик слышит среди завывания бури зов о помощи, но, боясь задержаться и не доставить пакет во время, решает, что поможет бедному путнику «на обратному пути»:

Мне сделалось страшно. Едва я дышал,
Дрожали от ужаса руки.
Я в рог затрубил, чтобы он заглушал
Предсмертные слабые звуки,

и только на обратном пути он «увидел потухшие очи...» В 1840-е годы была популярна песня А. А. Алябьева «Почтальон» на стихи Е. Гребенки, автора таких известных песен как «Очи черные», «Помню, я еще молодухой была». Первая строфа «Почтальона» может служить подписью к гербу Клина 1883 года:

Скачет, форменно одет,
Вестник радостей и бед.
Сумка черная на нем,
Кивер с бронзовым орлом.

Таким образом все уездные города Московской губернии по ее дореволюционному административному делению и Сергиевский посад, входивший в Дмитровский уезд, но обладавший особым статусом, имели гербы, созданные в основном в XVIII веке и подвергшиеся в XIX веке в своей значимой эмблеме небольшим исправлениям. Но в то же время шло усложнение гербов за счет появления новых деталей за пределами щита. Этот процесс характерен для всей европейской геральдики. Над гербом изображают различного, но строго определенного вида короны и шлемы, рисуют спускающийся изпод короны или шлема по обеим сторонам щита намет — орнаментальное украшение, появляются щитодержатели — две фигуры по бокам щита, как бы поддерживающие его. Такие же украшения получают и городские гербы.

В России начинают вводить в городские гербы украшения вокруг щитов в 1850-е годы. Толчком послужило желание императора Николая I, чтобы в земельные гербы ввели государственную символику в виде императорской короны, которая венчала бы все губернские гербы, а из уездных те, которые «отличаются от прочих обширностью населения и вообще своей значительностью в административном, торговом и историческом отношениях». Тогдашний управляющий Гербовым отделением Сената барон Б. В. Кене — сотрудник Эрмитажа, специалист по античной и западноевропейской нумизматике, медалистике и сфрагистике и к тому же усерднейший службист — ревностно принял за исполнение императорского пожелания. Он разработал стройную, педантичную и всеохватывающую систему гербовых украшений, которые давали дополнительные сведения о городах. Для увенчания гербов вводи-

лись короны: императорская для гербов губерний и столиц; царская шапка в виде венца Мономахова — для древних русских городов, бывших местопребыванием царствующих Великих князей; золотая башенная корона о пяти зубцах — для губернских городов, имеющих 50 000 и более населения, и о трех зубцах для губернских городов с меньшим населением; если город, как губернский, так и уездный, к тому же является крепостью, то башенная корона увенчивается императорским орлом; серебряная башенная корона о трех зубцах — для уездных городов; червлёная башенная корона о двух зубцах — для знаменитых посадов. Впоследствии стали увенчивать гербы и губернских городов императорскими коронами, а городские башенные короны рисовать в виде крепостной стены с башнями, зубцами и бойницами. Оформление гербов также имело свое значение: дубовая гирлянда — для губерний, колосья — для городов, отличающихся земледелием и хлебной торговлей, орденская андреевская лазуревая лента обрамляет губернские и столичные гербы, причем столичные имеют изображения скипетров; александровская алая, обвивающая два золотых молотка, — для промышленных городов, с двумя золотыми якорями — для приморских, с двумя виноградными лозами — для городов, занимающихся виноделием; георгиевская лента со знаменами — для крепостей, которые отличились во время осады.

Герб, изображенный с учетом всех вышеперечисленных деталей, называется полным.

По новому положению герб столичного и губернского города отличался от герба губернии предметами гербовых украшений. Так полный

герб столичного города Москвы имел императорскую корону и обрамление в виде андреевской ленты, обвивающей расположенные за щитом крест-накрест два скипетра, увенчанные царскими орлами; герб же Московской губернии был увенчан также императорской короной, но щит обрамляла дубовая гирлянда, обвитая андреевскою же лентой.

Было также изменено положение эмблемы губернского герба в уездном: ранее занимавшая верхнюю половину щита (а у Санти в «старых» уездных гербах губернский вообще отсутствовал), теперь она была отнесена в правый верхний угол (правая и левая сторона гербового щита определяется не от зрителя, а от лица, якобы несущего щит), так называемую вольную часть щита.

По гербовнику 1880-х годов Богородск, Веря, Волоколамск, Дмитров, Звенигород, Клин, Коломна, Подольск, Руза, Серпухов были отнесены к промышленным городам, а Бронницы, Воскресенск, Можайск и Сергиевский посад — к хлебным, то есть к сельскохозяйственным. Это деление конца XIX века свидетельствовало о четко намечившемся пути развития хозяйства Московской губернии от сельскохозяйственного направления к промышленному.

Рассматривая старые гербы уездных городов Московской губернии, мы совершили целое путешествие по Московской земле и не только в пространстве — по разным ее районам, от северного Дмитрова до южного Серпухова, от восточного Богородска до западного Можайска, но и во времени — по ее истории. Эмблема на гербе вынужденно немногословна, порой зашифрована, но она стоит того, чтобы предпринять труд ее понять. Прочитанный и истолкован-

ный герб открывает путь к пониманию души города, его характера.

Революция отменила городские гербы, и многие десятилетия о них не вспоминали. Но в шестидесятые-семидесятые годы вновь оживился интерес к ним, это произошло на фоне общего интереса к прошлому. Тогда выпускали серии открыток и значков со старыми городскими гербами, создавали новые гербы. Однако все это было не более, чем модой, и как любая мода, увлечение гербами прошло. И прошло, потому что герб — не красивая картинка, не значок; для того, чтобы он вернулся в нашу жизнь (а я глубоко уверен, что так оно и будет) необходимы определенные социально-политические условия. Вспомните, все периоды оживления и взлетов русского городского герботворчества связаны с попытками введения городского самоуправления, а упадок их — с фактическим уничтожением местной самостоятельности. Особенно наглядно это проявилось в предреволюционные годы расцвета земства, когда местные гербы знали все, потому что они употреблялись и на печатях, и на марках земской почты, и на местных изданиях; и после революции, когда все городское руководство было фактически назначаемо, оно не заботилось о местных интересах, а послушно исполняло приказы своего начальства. Герб — знак свободы и независимости, он возбуждает чувство самоуважения. За ним стоит не тщеславие, а право, поэтому он утверждается самым высшим органом государства. Утверждение герба — это договор государства и граждан, признание государством их прав и обязательство соблюдать их.

Поэтому слово «герб» звучит волнующе и гордо.